

“МОЯ АРТИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ”

Около сорока лет жизни народной артистки СССР Антонины Николаевны Самариной связано с Горьковским академическим театром драмы имени А. М. Горького. Еще больший отрезок времени связывает ее с нашим городом. Родившаяся в Петербурге, детские годы актриса провела в Нижнем Новгороде. Ее отец — актер и режиссер Николай Иванович Собольщиков-Самарин постоянно разъезжал с труппой по городам... А мы с бабушкой жили в Нижнем,—вспоминала Антонина Николаевна. — Ба-

Г ОДОМ СВОЕГО ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЦЕНУ я считаю. 1926-й. С этого времени начинается моя систематическая, беспрерывная работа в театре. До этого были отдельные спектакли, отдельные месяцы работы то в театре в Одессе, то в драме (в Нижнем. — С. Ч.).

В 1926 году я приехала в Орел, в драматический театр, и с того времени началась моя актерская жизнь со всеми ее невзгодами и радостями.

Театрального училища или института я не кончала. Выросла в актерской семье и с детства узнала, что быть актером, актрисой — не простое дело. Я видела, какая измученный приходил отец из театра.

Дома я присутствовала в моменты его актерской работы. Он загорался: «Вот здесь, Тонечка, я

поймал его «за хвост». Тут он говорит совсем не то, что думает... Ну-ка, принеси мне, девочка, папиросы! У меня уже кончились. (Он выкуривал четыре пачки в день). Этот притворщик, понимаешь, говорит здесь совсем другое...» Но «ухваченный за хвост» часто вырывался из рук, и отец приходил из театра, удрученный неудачей.

«Копание» в роли, в психологии изображаемого лица, поиски наиболее ярких мест, рисующих характер, выработки походки, жеста, мучительный поиск формы... Я видела по отцу: актерская профессия — совсем-совсем не легкая.

В 1932 году я приехала в Горький, где главным режиссером был мой отец. Здесь труппа состояла из очень хороших, крепких актеров. Очень

бушка моя была святое существо, простая русская женщина, которую все окружающие очень любили, особенно я.

Имя актрисы Самариной стало частью культуры нашего древнего города. Многие помнят ее в ролях на сцене театра драмы.

Воспоминания А. Н. Самариной, отрывки из которых мы предлагаем вниманию читателей, написаны в 1965 году. Рукопись любезно предоставлена для публикации преподаватель литературы Галина Васильевна Черемухина.

хотелось бы написать о каждом из них...

Лучшая и любимая моя роль в пьесах Горького — Юлия Филипповна в «Дачниках»... Для меня была большая творческая радость играть ее. Я с утра уже предчувствовала счастье выйти на сцену и прожить, может быть, самый драматический кусок ее жизни — может быть, в последний раз драться за свое человеческое право на счастье...

Одна из довольно удачных, любимых ролей была Раневская в «Вишневом саду» Чехова. Какая это прелесты! Какая тонкость, изящество в изумительном мастерстве этого замечательного художника.

Прошла через мою артистическую жизнь со своей судьбой и Анна Каренина...

Пожалуй, самое до-

гое воспоминание в моей актерской биографии — исполнение роли Марии Александровны Ульяновой в спектакле «Семья» (постановка Н. А. Покровского). Я волновалась, когда ее получила. А вдруг не справлюсь — ведь я играла, глазным образом, роли комедийные. Самое трудное в этой роли — не распустить нервы, не плакать, потому что сце-

ны с Аней и Володей, когда Мария Александровна узнает о казни Александра, такие сильные и драматичные, что слезы льются непрерывно, и нужно прилагать усилия, чтобы их сдерживать.

Когда работаешь над ролью, то стараешься вспомнить какого-нибудь человека, который может помочь созданию нужного образа на сце-

не. Его движение, привычки, походка, выражение лица помогут созданию роли. Я думала: «Ну, что мне может помочь в создании образа такой замечательной женщины, так много пережившей, женщины высоких чувств, матери, воспитавшей такого сына?» Пьеса Попова невысокохудожественно написана, но даже отдаленное приближение к личным, интимным переживаниям этой необыкновенной семьи становится нам дорого и свящеенно. Играя эту роль, испытываешь благоговение...

Однажды летом во время отпуска я летела самолетом в Сочи. Когда приехала на аэродром, там уже было много народа. Скоро должна была начаться посадка. Все стояли у решетки, около дверцы, и ждали. Гудели веселые голоса улетающих на юг. Чувствовалось, что все закончили свою работу и теперь могут отдохнуть и лечиться. Лишь одна женщина обратила мое внимание на себя тем, что, стоя в толпе ожидающих, она была как бы одна — с глазами, глядящими внутрь. Невысокого роста, стройная, с красивым лицом. Какая-то печать пережитых страданий лежала на ее лице и отделяла ее от всей веселой толпы. Я спросила кого-то: «Вы не знаете, кто эта женщина?» «Мать Зои Космодемьянской, Любовь Тимофеевна», — ответили мне.

Роль Марии Александровны очень трудно иг-

рать, потому что захлестывают волнение и слезы. И на репетициях я старалась выплакаться, чтобы слезы не мешали играть. Мария Александровна сдержанна, умеет владеть собой, умеет не огорчать детей. При чих она не позволит себе плакать. И спектакли, когда мне это удавалось, были хорошими. Когда мои глаза были сухи — плакала публика.

Дома у меня в период работы над этой ролью мебель была расставлена так, как в квартире Ульяновых. Я «собживала» все места, ходила по комнате, сидилась за стол, разговаривала с воображаемыми детьми, вновь и вновь переживала удар...

В это репетиционное время я почти не жила собственной жизнью. Я почти осознанно знала каждого члена семьи Ульяновых, и когда кто-нибудь произносил имя кого-либо из Ульяновых, оно касалось моей души, как имя родного человека.

Мне все это очень помогло. Это время было одним из самых счастливых в моей артистической жизни.

Публикацию подготовил

С. ЧУЯНОВ.

***

А. Н. Самарина в роли Хлестовой (спектакль «Горе от ума»).

Фото из Горьковского областного архива. (Репродукция А. ОНОШКО).

Горьковский рабочий, 1974, 27 марта